

Станислав Савицкий

ОФИЦИАЛЬНОЕ И НЕОФИЦИАЛЬНОЕ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1950-80 -х гг.

[PDF](#)

Введение

Отношение центр-периферия можно рассматривать на примере взаимодействия официального и неофициального как основной сюжет периода позднего социализма. Временными рамками периода мы будем считать промежуток с середины 1950-х до событий перестройки в 1985 году.

Либерализация советского общества, начавшаяся с «оттепели» во второй половине 1950-х годов, повлекла за собой возникновение культурной сферы, существовавшей вне границ, установленных социумом. Это и «стиляги», и компании литераторов, ориентированные на неподцензурную печать, и научные семинары, проходившие на квартирах, не будучи санкционированы академическими институциями. Расширение неофициальных сообществ, неофициальной сферы стало основным импульсом развития истории позднего социализма, послужив причиной для завершения этого периода — официализации бывшего ранее неофициальным и разрушению советской системы. Опальные ученые становились центральными политическими фигурами (Андрей Сахаров), запрещенные писатели публиковались из номера в номер в ведущих журналах (Александр Солженицын), рок-музыка, которая в лучшем случае могла существовать ранее на правах художественной самодеятельности при доме культуры, транслировалась по первому телеканалу. Основная интрига этого периода складывается во взаимодействии официального и неофициального — центра и периферии, которое радикально изменится во второй половине 1980-х годов.

Описанию особенностей этого взаимодействия предшествует несколько методологических и исторических замечаний, касающихся в первую очередь неофициальности, поскольку именно она является силовым вектором истории позднего социализма.

Во-первых, мы рассмотрим историю понятия «неофициальное»: его происхождение, развитие и распространение.

Во-вторых, проанализируем наиболее характерные представления о

неофициальности – что, как правило, понимают под этим словом.

И затем разберем отношения сфер официального и неофициального, в которых разворачивались основные события позднего социализма, на примере романа Андрея Битова «Пушкинский дом».

История понятия неофициальности

Понятие неофициальности появилось во второй половине 1960-х. В конце первой лекции уже шла речь о том, что оно возникло как заимствование из английского и может служить симптомом вестернизации познесоветской культуры. В то же время неофициальное находится в синонимическом ряду с более чем десятью другими названиями этой среды. На сегодняшний день круг определений чрезвычайно широк: неофициальное, независимое, второе, неконформистское искусство, а также искусство андеграунда, андерграунда, подполья, контркультуры и некоторые другие. Опишем в общих чертах историю этого синонимического поля, частью которого является интересующее нас понятие.

Начало номинативного процесса, как и образования самой среды, происходило в литературе в 1960-е годы. Первыми определениями были подпольная литература и самиздат. Как и в случае понятия неофициального, они возникли извне. *Подпольная* литература появилась на страницах эмигрантского журнала «Грани», который публиковал тексты, присланные из СССР. С начала 1960-х эти произведения получили название «подпольных», несмотря на то, что в Союзе ничего подобного не существовало. Одним из первых машинописных изданий, названных подпольным, был «Феникс» (1962). В ряду первых машинописных изданий, представленных как «подпольные» в самом СССР, стоит альманах «Сфинксы» (1965) Валерия Тарсиса. Далее это понятие получает достаточно широкое распространение, но в дальнейшем замещается другими синонимами.

История *самиздата* также многим обязана эмиграции и советологической среде. Это понятие было поздней производной от неологизма «самсебяиздат», придуманного в середине 1940-х годов московским поэтом Николаем Глазковым. По свидетельству Александра Даниэля,

«Глазков [...] составлял небольшие машинописные сборники своих стихов и прозы, сшивал их в брошюры форматом в поллиста и дарил друзьям. А на титуле ставил им самим придуманное слово «самсебяиздат» (Даниэль 1994; Самиздат 1997: 12, 372).

Понятие самиздат входит в обиход в середине 1960-х годов. Вольфганг Казак датирует рождение самиздата началом 1966 года (Kasack 1988: 344). Образованное в СССР, оно получило широкое распространение благодаря эмигрантским советологическим изданиям, в которых оно приобрело достаточно широкий смысл: под «самиздатом» подразумевалось хождение не только литературных произведений, но и самых разнообразных текстов, распространявшихся в машинописи и фотокопиях (Долинин 1993). С 1970-х годов слово «самиздат» начинают писать с большой буквы, отводя ему центральную роль в отношениях власти и критически настроенной интеллигенции (Даниэль 1994).

Неофициальность принадлежит ко второму поколению синонимов, возникших в конце 1960-х годов. Аналогично подполью и самиздату, оно распространяется благодаря влиянию извне. Но в отличие от них является переводом распространенного в европейской и американской художественной критике понятия unofficial art/culture применительно к советской ситуации.

Советская неофициальность впервые возникает в книге американских критиков Пола Сиеклочи и Игоря Меда «Неофициальное искусство в Советском Союзе» (Sjeklocha & Mead 1967). Далее этот переведенный термин перенимают русские критики третьей эмиграции. В течение 1970-х годов он используется в ряде статей Игоря Голомштока и Александра Глезера (Глезер 1976). В 1977 году в Лондоне выходит монография И.Голомштока «Неофициальное искусство СССР» (Golomstok 1977).

Из искусствоведения понятие неофициального переключивается в словарь зарубежной и эмигрантской литературной критики. Судя по всему, право первенства принадлежит здесь составителю сборника «неофициальной советской лирики» Лизл Уйвари (Liesl Ujvary) «Freiheit ist Freiheit», изданному в 1975 году в Цюрихе. В него вошли произведения Игоря Холина, Всеволода Некрасова, Генриха Сапгира, Владислава Лена, Вагрича Бахчаняна и Эдуарда Лимонова (Freiheit 1975). Э.Лимонов – как И.Голомшток и А.Глезер, представитель третьей эмиграции, – был наиболее активным пропагандистом неофициальности. В его статье «Неофициальная литература» утверждалось, что это лучшее определение среди прочих скомпрометировавших себя синонимов (Лимонов 1975а). Другой представитель третьей эмиграции, Константин Кузьминский также предпочитал неофициальное остальным определениям (Кузьминский 1980).

В те же годы – во второй половине 1970-х – понятие неофициальное приживается в СССР. Его можно встретить в статьях, опубликованных в

машинописных журналах («Часы»), или в альманахах и антологиях. Например, на страницах антологии ленинградской неофициальной поэзии «Острова» (Острова 1982: II). В дальнейшем оно встает в один синонимический ряд с многими другими определениями: независимая, неподцензурная, несозвучная, потаенная, вторая, третья культуры; культура андеграунда, анде(р)граунда, подполья, сопротивления, контр-культура и некоторые другие.

Таким образом, понятие неофициальное, как большинство синонимических названий возникает извне – при непосредственном контакте с эмигрантской или советологической средой. Оно пришло из словаря художественной критики, получило распространение в первую очередь у третьей эмиграции, свидетельствует о вестернизации этой среды и может быть взаимозаменяемо в ряду синонимов с некоторой погрешностью.

Представления о неофициальности

Политическое сопротивление

Одно из наиболее распространенных представлений о неофициальной культуре – политическое сопротивление, борьба с советской властью. Миф о том, что эта среда является политическим движением, возник и развивался при контакте с эмиграцией. В первую очередь это происходило в литературной среде и было непосредственно связано с понятием подполья. В конце 1956 года журнал «Грани» опубликовал «Обращение антикоммунистического издательства «Посев» к деятелям литературы, искусства и науки поработанной России», призывающее присылать или переправлять тексты, которые не могут быть опубликованы в СССР из-за несоответствия требованиям цензуры.

«Российское *революционное* [курсив мой] издательство «Посев» готово «предоставить им эту возможность» (Обращение 1956).

Возможно, этот «революционный» призыв вызвал к жизни миф о подпольщиках и подпольной литературе – традиции революционно-освободительного движения, возникшей в русской эмиграции в 1860-е годы (Могильнер 1999). Любопытно, что незадолго до выхода «Обращения», «Грани» публикуют «Подполье» — первую часть «Записок из подполья» Ф. Достоевского (Грани 29, 1956. С.5-26). Напомним, что в этом тексте помимо прочего высказывается критика учения о социализме, сам же автор до написания повести был «петрашевцем».

Подпольность и традиция революционно-освободительного движения возникают в СССР в формах, далеких от радикализма. Как следует из публикации в «Гранях», в 1966 году в Москве возобновляется издание журнала «Русское слово» — «органа радикального демократического движения, выразителя революционно-народнического мировоззрения интеллигентов-разночинцев, т.н. «нигилизма» в 1860-е годы. Его новый учредитель — Клуб Рылеева, — существует с 1964 года «как преемник декабристского литературного «Общества русского слова», одним из руководителей которого был Рылеев». Из редакционной статьи к первому номеру следует, что журнал был «единственным, чем «Клуб Рылеева» проявил себя более чем за два года своего номинального существования». Летом 1966-го его деятельность активизировалась. 13 июля «в день 140-й годовщины со дня преступной казни источников русской свободы — Рылеева, Пестеля, Муравьева, Бестужева-Рюмина и Каховского», — сбор «Клуба Рылеева» постановил:

- «1. считать основой деятельности клуба стихотворение Рылеева «Гражданин» и статью «Культура и человек»,
2. избрать правление «Клуба Рылеева»,
3. вести свою работу под лозунгом «Культура, правда, честь!»

(Русское слово 1967).

Таким образом, сфера неподцензурной культуры включалась журналом «Грани» в контекст борьбы с советским режимом, воспроизводившей ту самую традицию революционно-освободительного подполья XIX века, которая привела к созданию этого режима. В СССР политизация этой неофициальной сферы так и не произошла. Диссидентство и богема были изолированы друг от друга. Участники выставок газа-невского движения не преследовали политических целей. По словам одного из их организаторов Петроченкова, единственным результатом выставки было то, что половина выставившихся художников эмигрировали.

А в т о н о м н ы й с о ц и у м

Другое столь же распространенное представление о неофициальной культуре – социум, автономный от официального советского социума. Считается, что в годы

застоя образуется культурное сообщество, оппозиционное и независимое официозу. Можно сказать, что это социальное объединение по профессиональному признаку. В эту среду входят те, кто профессионально не устроен как писатель, критик, интеллектуал. Впрочем, есть серьезные сомнения в том, что это действительно самодостаточная среда, не имевшая контактов с официозом. Например, можно ли, пользуясь терминологией британского исследователя Дика Хэбдиджа, назвать ее субкультурой, то есть социокультурным пространством, полностью изолированным от институций официального социума (Hebdige 1979)?

Политолог Олег Хархордин в книге «Коллективное и индивидуальное в России» высказывает справедливые сомнения в корректности описания неофициальной среды позднего социализма с помощью терминологии Д.Хэбдиджа. По его мнению, в период позднего социализма о субкультурах можно говорить лишь в том случае, если не принимать во внимание, что это явление было частью официального социума (Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices*. Berkeley, 1999. P.315-317). И действительно, как литературные объединения при домах культуры (лито), так и «Клуб-81» (культурное объединение, созданное в 1981 году при доме-музее Достоевского под патронажем КГБ) существовали в государственном социальном пространстве. Неофициальное сообщество нельзя назвать полноценным социумом, изолированным от официального.

Для определения его статуса наиболее удачной представляется концепция Алексея Юрчака. Полемизируя с распространенным взглядом на неофициальную культуру позднего социализма как оппозиционную (Cushman 1995: 8), он убедительно доказывает, что двух изолированных друг от друга социумов не существовало: культурное, социальное и экономическое пространство разделялось на две сферы — официальную и параллельную, в которых одновременно существовали жители центральных городов (Alexei Yurchak. *The cynical reason of late socialism: power, pretense, and the anecdote. Public culture*. v.9. n.2, 1997. P.161-188). В другой работе он разрабатывает эту модель, рассматривая сферы как официально-публичную (officialized-public) и индивидуально-публичную (personalized-public) практики, сосуществующие и взаимодействующие в одном пространстве и контексте. Их отношения описываются через бахтинское понятие «гибридности» – взаимного наложения и пересечения (Yurchak. *Entrepreneurial Governmentality in Postsocialist Russia. A cultural investigation of business practices*. Forthcoming in: Bonnell, Victoria and Thomas Gold, eds. *The New Entrepreneurs in Europe and Asia*. N.Y.)

Аргументы обоих исследователей представляются убедительными.

Оппозиционность и обособленность социальной и культурной сфер, выходящих за рамки компетенции государственной власти, далеко не очевидны. Художественная среда в разной степени была включена в официальную жизнь. Художник работал оформителем в кинотеатре и в то же время рисовал картины для домашних выставок. Писатель зарабатывал переводами или журналистикой и писал настоящую литературу в стол. Актер подрабатывал в государственном театре и играл в любительской студии. Творческие люди не всегда «работали по специальности»: рок-музыкант мог вести разыскания в научно-исследовательском институте, многие литераторы служили в котельных или устраивались дворниками. Неофициальность центральных событий в жизни неофициального сообщества – выставок в ДК «Невский и Газа, - была поставлена под сомнение некоторыми членами этой среды, отказавшимися принять в них участие. По их мнению, это было компромиссом и уступками советскому официозу. Теми же мотивами руководствовались авторы, оставшиеся в стороне от деятельности «Клуба-81». Две взаимопроникающие сферы официального и неофициального образовывали социальное и культурное пространство, в котором существовали представители неофициальной культуры.

« Пушкинский дом » Андрея Битова : история двойного агента

Исторически эти сферы образуются и принимают отчетливые социальные формы в конце 1960-х годов. Развитие этого процесса удачно иллюстрирует история создания романа Андрея Битова «Пушкинский дом». Работа над ним начинается одновременно с формированием этих сфер и в дальнейшем писатель использует все возможности балансирования между ними.

Принадлежность А.Битова к неофициальной литературе определяется в первую очередь двумя фактами – ходившем в самиздате и изданным в американском издательстве «Ардис» (в СССР после перестройки) романом «Пушкинский дом», а также участием писателя в московском альманахе независимых писателей «Метрополь» (1979). Между тем для неофициальных авторов писатель был до некоторой степени посторонним, поскольку числился в Союзе писателей и регулярно публиковался со времен «оттепели». «Неофициальная карьера» А.Битова началась тогда, когда неофициальность стала полноценной сферой — на рубеже 1960-70-х. К этому моменту он известен как советский писатель, выпускник литературного объединения при издательстве «Советский писатель», автор четырех книг. Более чем удачное начало и полное отсутствие признаков культурного подполья.

Первоначально «Пушкинский дом» задумывался как официальный текст. В 1964-м Битов садится за рассказ, который вскоре перерастет в роман «Дом». Через четыре года он подает заявку на издание романа в ленинградское отделение «Советского писателя». Писатель получает аванс, также назначен срок сдачи рукописи – через год. Начинается многолетняя издательская эпопея.

Ровно через год, не успев закончить роман, Битов просит об отсрочке для доработки. Издательство предоставляет еще год. Далее ситуация повторяется. Получив несколько отсрочек, автор сдает текст романа только осенью 1971 года. К.Успенская, редактор, которая вела эту книгу в «Советском писателе», в очередной раз помогла избежать проблем. Автору разрешили дорабатывать текст и представить его в окончательном варианте не позднее, чем через девять месяцев.

Между тем, А.Битов задумывает написать комментарии к роману и пытается пристроить его в другие издательства – например, в московский «Современник». Через некоторое время «Советский писатель» объявляет последнюю отсрочку, после которой будет поставлена точка в истории непубликации «Пушкинского дома». В 1974 году А.Битов и К.Успенская предлагают заменить роман переизданием. Это была одна из уловок в советской издательской практике: выпустить вместо незавершенного текста новое издание уже опубликованного произведения. В результате выходит солидная книга «Семь путешествий». «Пушкинский дом» аккуратно изымают из издательства, обойдя начальство и избежав редакторской правки.

Тем временем, роман начал жить полноценной неофициальной жизнью. С начала 1970-х машинописные копии фрагментов текста ходят в самиздате. Тогда же рукопись была переправлена за границу, а А.Битов завязал знакомство с главным редактором эмигрантского издательства «Ардис» Карлом Проффером, который соглашается ее напечатать.

В то время как готовится американское издание «Пушкинского дома», в официальной сфере события развиваются не менее бурно. Роман публикуется фрагментарно в советских периодических изданиях – журналах «Звезда», «Аврора», «Дружба народов», «Вопросы литературы». Он обрастает новыми историями и текстами. В них действуют персонажи неопубликованного романа, который оказался напечатанным цельными самостоятельными фрагментами. Из них возникает официальная версия «Пушкинского дома» – единый романский цикл «Молодой Одоевцев. Герой романа», вошедший в состав книги А. Битова «Дни человека». Однако целиком роман опубликовать не удается. Издательства и журналы отказываются его печатать. Текст отклоняют в «Современнике»,

«Новом мире» и «Дружбе народов».

Неофициальная судьба романа складывается удачно. В 1978-м книга выходит в свет в «Ардисе». Из предисловия издателя, написанного самим Битовым, следует, что роман опубликован без ведома автора. На основе этого предисловия автор «Пушкинского дома» создает себе хитроумное алиби, которое снимает с него возможные обвинения КГБ. Переводы романа появляются задолго до его публикации в СССР. Первый вышел по-шведски в начале 1980-х, затем «Пушкинский дом» был издан по-немецки, по-английски (одновременно в Америке и в Англии) и по-французски. Полная версия романа с комментариями была выпущена в СССР лишь в 1989-м.

История «Пушкинского дома» разворачивается в двух сферах. Текст романа опубликован фрагментарно в периодике и ходит в самиздате. Автор пытался издать роман в СССР и сотрудничал с иностранными издательствами. Он оказался в ситуации неофициального писателя, но на тот момент опубликовал и опубликовывал другие произведения. А.Битов строил игру между двух сфер и с наступлением перестройки из модного автора с репутацией неофициального стал признанным официальным писателем. «Пушкинский дом» наряду с «Доктором Живаго» и «Архипелагом ГУЛАГом» был в числе тех запрещенных текстов, публикация которых после перестройки была принципиально важна. Путь А.Битова характерен для истории позднего социализма. Этот период сформировал неофициальную сферу, развил ее до масштаба мощного культурного явления и завершился тем, что недавняя неофициальность заменила официоз последних советских десятилетий. История романа А.Битова воспроизвела центральный исторический сюжет последних десятилетий прошлого века.

Между тем, можно возразить, что А.Битов — пример, доказывающий обратное. Он принадлежал к либеральному официозу, в то время как существовала подлинная оппозиция и независимость. Но не стоит забывать, что автономным социумом неофициальную художественную среду нельзя назвать ни в 1960-е, когда она была разрознена и разобщена, ни позднее — во второй половине 1970-80-х, когда в ней сформировался совместно с сотрудниками Большого дома «Клуб-81».

А.Битов, как и члены «Клуба-81» или даже не входившие в него художники, был включен во взаимодействие официальной и неофициальной сфер, которое не являлось ни политической оппозицией ни социальной автономией. Это взаимодействие было культурным симбиозом или взаимным культурным

паразитированием. Несмотря на то, что понятие неофициальности (и другие синонимы) формировалось извне как обозначения независимого альтернативного сообщества, сферы официального и неофициального были сращены и растворены друг в друге. В период позднего социализма центр был расфокусирован. Отношения между ними сложно описать как оппозицию или автономию. Центр был рассеян по периферии.

ЛИТЕРАТУРА

Самиздат века.

Самиздат. Сборник материалов конференции.

Из истории неподцензурной литературы.

1. Polosa preiatstvij : formirovanie leningradskoj neoficial'noj kul'tury, *Studia Russica Helsingensia et Tartuensia* VII [20], Helsinki & Tartu, 2000.

2. Как построили «Пучкинский дом». Dosje, Bitov A. *Puchkinskij dom*, St.Petersburg: Izdateľ'stvo Ivana Limbaha, 1999.

3. Iz arhiva entuziasta, *Rossia–Russia* 1 [9], Venise & Moscow, 1998.

4. 70-е: Trudnoe utro posle shumnogo prazdnika, *Ptchela* 12, 1998, St.Petersburg.

Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. London, 1979.

Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices*. Berkeley, 1999. P.315-317.

Alexei Yurchak. The cynical reason of late socialism: power, pretense, and the anecdote. *Public culture*. v.9. n.2, 1997. P.161-188.

Alexei Yurchak. Entrepreneurial Governmentality in Postsocialist Russia. A cultural investigation of business practices. Forthcoming in: Bonnell, Victoria and Thomas Gold, eds. *The New Entrepreneurs in Europe and Asia*. N.Y.